

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ

Острова, КОСТРЫ И ВЁСНЫ

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ИСТОРИКА И ПИСАТЕЛЯ МИХАИЛА АЛПАТОВА

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПИСАТЕЛЯ ВАЦЛАВА МИХАЛЬСКОГО

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПИСАТЕЛЯ ЮРИЯ СЕРГЕЕВА

12 +

РОСТОВ – НА – ДОНУ

2023

ИЗДАНИЕ ДЛЯ СЛАБОВИДЯЩИХ

**АВТОР ТЕКСТА И СОСТАВИТЕЛЬ
Е. И. СОКОЛОВА**

**ФОТОГРАФИИ
ИЗ СВОБОДНОГО ДОСТУПА СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»**

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ:
Н. А. ТОПОРКОВА**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
И. А. ГРИЩУК**

ТИРАЖ: 8 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО
В ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

СОДЕРЖАНИЕ:

Подлинная весна.....	5
О добрых людях.....	10
Три сигнала светофора.....	31
Казачий Спас.....	46

Встречающиеся в тексте понятия и термины
поясняются в словаре в конце книги.

*Художник обязан
знать ту подлинную действительность,
ту подлинную историю,
которую он взялся перевести
на язык художественного изображения.*

Михаил Алпатов

*Русские всегда были донорами
для Западной Европы и Америки.*

Вацлав Михальский

*Где курганы на страже стоят
И река, извиваясь, бежит,
Там родная станица моя,
Под горою, у леса, лежит.*

Юрий Сергеев

ПОДЛИННАЯ ВЕСНА

«Весна в Карфагене».

«Горели костры».

«Княжий остров».

Известные романы. Известные писатели, чьи биографии – так или иначе – связаны с Доном.

Михаил Алпатов и Вацлав Михальский здесь родились. Юрий Сергеев – с Волгоградчины, но у нас учился.

Историк Алпатов, геолог Сергеев, литератор Михальский. Писатели очень разные. И по возрасту, и по образованию, и по мировоззрению.

Историк – геологу и литератору в дедушки почти годится.

А хотя у геолога и литератора десять лет всего разницы, но пишут совсем не похоже.

Но и общее присутствует: интерес к казачьей истории.

Ведь все трое – из донских казаков, чем всегда гордились! Но у каждого, естественно, интерес свой, личный.

У Алпатова – это рассказ о нелёгком пути казачества, о поисках истины.

У Сергеева – это теории неоязычества, боевые способности казаков, древние славянские рукописи.

У Михальского – казачество терское, он пишет, в основном, о кавказских народностях.

Казачи защищали свою землю, свой дом, свою страну.

Хотя, конечно же, казак казаку – рознь. Всяко бывало: и Гитлеру присягу держали...

Имя Михаила Алпатова в науке занимает место почётное. И очень весомое.

Это был учёный с широким кругозором, безгранично преданный своему делу, всегда верный исторической правде.

На страницах этого сборника – много цитирования, потому что лучше самих цитируемых часто и не скажешь.

Вот младший сын Алпатова, Владимир, отозвался об отце так:

- О нём я мог бы сказать словами его ровесника Аркадия Гайдара:

- Обыкновенная биография в необыкновенное время. У его поколения молодость пришлась на бурную эпоху, судьба, независимо от воли человека, делала самые неожиданные повороты.

Судьба, в которой много было тяжкого. Путь – от крестьянина до доктора исторических наук.

И дочь, и сыновья – тоже все докторами стали.

Нинель Михайловна – химик, Игорь Михайлович – специалист по авиационной и космической медицине. Ему довелось расследовать гибель Юрия Гагарина.

Владимир Михайлович – лингвист, академик РАН.

В 80-е прошлого века некоторых писателей – среди них Владимир Личутин, Александр Проханов, Владимир Маканин, Руслан Киреев, Владимир Крупин – отнесли критики к одному направлению.

Назвали «40-летние», так как собственный стиль обрели они на пороге 40-летия.

Но не упоминали почему-то имя Вацлава Михальского. Оставили в тени.

Странная, конечно, ситуация: Михальский – автор талантливый.

Вот фрагмент из рассказа «Шуба»:

- У нас в Махачкале с середины сентября до середины октября, а то и дольше, самые ласковые денёчки.

Всё иссушающий летний зной и сильный низовой ветер, что без устали несёт по улицам и бросает в лицо пыль и мелкий мусор, сменяются, как по команде, на умиротворяющее нежное тепло.

И, как говаривали в старину, на «благорастворение воздушных».

И утром благодать, и днём благодать, и вечером, и ночью. Красота! Хоть спать не ложись, особенно когда тебе – двадцать три.

Здорово написано!

Как будто сам пожил в этой махачкалинской благорастворительно-воздушной осени!

И критика, хоть с опозданием, но признает:

- Хорошо видны такие качества автора, как понимание жизни простых людей, человечность.

И высокая степень искренности и редкий дар воображения, позволяющие одухотворять героев, делать их живыми.

Его произведения обладают большим запасом прочности – а это серьёзный признак.

Сам Вацлав Вацлавович заметил:

- Так уж устроен белый свет, что порой случай замыкает целые круги жизни, меняет судьбы или даёт им новое дыхание.

Не в меньшей степени это относится и к литературной работе.

Но в ней есть и вполне очевидная линия: движение от житейского случая к поэтической мысли, от факта жизни к художественному вымыслу.

Замечание Михальского мог бы продолжить Сергеев:

- У писателя должны быть обострены все органы чувств.

У писателя так должно быть написано, чтобы и читатель чувствовал всеми органами чувств – зрением, слухом, обонянием! И переживал.

Юрий Васильевич – автор проекта «Воины духа», серии фильмов о мастерах-характерниках – хранителях древнего казачьего воинского и целительского искусства – Казачьего Спаса:

- Я выпустил около двадцати лент по рукопашным боям. Не ради наживы.

Говорят, что на базаре их продают по шестьсот рублей за комплект.

Пусть продают, я не буду предъявлять никаких претензий – они работают на наше Отечество!

*Сквозь огонь и любую разруху,
Когда сердце уж чует беду,
Поднимаются Воины духа
И народ наш к Победе ведут!*

Что ещё, кроме казачьей темы, роднит героев этого сборника?

То, что встречалось на жизненной их тропе много доброты. Алпатов о добром отношении очень часто вспоминал.

Михальский рассказывает о детстве и юности – чуть ли не весь Кавказ пешком исходил, и везде находил радушное отношение.

У Сергеева – очень тёплое описание станичников и золотоискателей.

К сожалению, всё это – в эпоху СССР.

И роднит потому ещё и Михальского, и Алпатова, и Сергеева то, что любят они Россию.

Михаил Антонович всегда верен был советскому строю, и никогда бы, наверное, развал великой державы не принял.

Вацлав Вацлавович и Юрий Васильевич все перипетии пережили.

И оба пришли к одному выводу: то, что творится сейчас в России – грязная пена.

Осядет она, и станет держава наша снова великой.

Только в ней может быть подлинная весна!

*

О ДОБРЫХ ЛЮДЯХ

- С Кудиновой горы – как на открытой ладони – видишь неширокую долину, которая выплывает из-за Атаманского бугра и, протянувшись добрый десяток вёрст, исчезает справа на горизонте, где дымит станция Глубокая.

По долине прямой ниткой пробегает железная дорога, а рядом с ней, словно боясь отстать, извилистой лентой торопится речка Глубочка.

Слева видна слобода Дячкино, а под Кудиновой горой раскинулся хутор Сибилёв.

Так начинается роман «Горели костры» Михаила Алпатова.

Критика отмечала:

- Это не просто роман, это дверь в прошлое нашей родины, именно тех мест, где мы с вами живём.

Хутора, станции и станицы, Новочеркасск и Ростов-на-Дону – как они выглядели в начале прошлого века, какие люди жили в них, о чём думали и разговаривали, что их волновало.

Время, которое описывается в романе, беспокойное. Это 1902 - 1905 годы.

Назревает революция, в городах всё чаще бастуют и выходят на массовые демонстрации рабочие.

Казакам выпала доля защитников порядка, усмирителей бунтовщиков.

Но большинству роль жандармов не по душе...

Автор и в литературе всегда оставался историком:

- Речь, разумеется, идёт вовсе не о механическом заимствовании у действительности, а о художественном её осмыслении.

А вот это уже обязательно предполагает элементарное, но неперемное условие: художник должен – он обязан – знать ту подлинную действительность, ту подлинную историю, которую он взялся перевести на язык художественного изображения.

Миша появился на свет 20 ноября 1903 года в казацкой семье на хуторе Сибилёв (ныне – Каменский район Ростовской области).

Старший из шестерых детей Антона Даниловича и Агриппины Дмитриевны Алпатовых. Взрослым Михаил никогда не скрывал своё происхождение.

Наоборот, подчёркивал, что он казак и именно – казак донской!

Обычное крестьянское детство – работа в поле, ночное, огород... Он любил о том времени вспоминать, многое вошло роман о кострах.

В Сибилёве открыли приходскую школу, и Миша отучился положенный срок.

Учителя звали Степан Васильевич. Ученик изобразит его потом, сохранит имя и отчество, но биографию приукрасит – сделает революционером.

В реальности же – учитель был конченным алкоголиком. Но человеком добрым, и Михаил никогда о нём не забывал.

И, кстати, всегда уверял, что очень везло в жизни на добрых людей! И, вообще, везло!

На приходской школе образование должно было и окончиться.

Антон Данилович, мастер на все руки, но властный и упрямый, рассуждал так:

- Всё я умею! Одного не умею и не люблю – тачать сапоги. Вот пускай Мишка и будет!

И договорился с местным сапожником, что по окончании полевых работ парень придёт учеником.

Но это было лето 1914 года.

Алпатова-старшего отправили на войну. Агриппина с детьми вернулась к своему отцу Дмитрию Петровичу, а тот был совсем другим человеком.

Сам умел только расписываться, но уважал «учёных людей» и хотел, чтобы внук учился дальше. Внук тоже выведет его в романе.

И обучение у сапожника не состоялось.

По хуторам как раз объявляли набор в мужскую гимназию станицы Каменской – наконец отменены ограничения для «кухаркиных детей»!

Инициатором нововведения стал министр народного образования Павел Николаевич Игнатъев.

Степан Васильевич порекомендовал троих своих подопечных, всех зачислили.

«Игнатъевские гимназисты» потом заняли заметное место в советском обществе, достаточно назвать два имени: Михаил Шолохов и Леонид Брежнев.

Каменская гимназия значила для деревенского пацана очень много. Ещё недавно коров пас, а теперь учил немецкий и латынь!

И в отличие от большинства учеников очень латынь полюбил. И через много лет гонял сына по всем склонениям и спряжениям...

Факультативно в гимназии можно было учиться играть на мандолине и рисовать.

И Михаил успевал и это. И с удовольствием.

Воспитанники обожали своего директора. Митрофан Богаевский – его называли «донским златоустом».

В Гражданскую станет Митрофан Петрович правой рукой атамана Каледина и погибнет.

Время было суровое, гимназистам довелось видеть и Алексея Каледина, и Петра Краснова, а описанный у Шолохова бой под Глубокой – гремел совсем рядом.

Весной 19-го занятия прекратились, пришлось возвращаться на хутор.

К этому времени дед умер, снова командовать в доме стал вернувшийся с фронта Антон Данилович.

Он был просто разъярён: гимназист? Какой гимназист? Мишке сапожничать надо было!

Для Алпатова-старшего любой не-физический труд был невыносим!

Одна из дочек окончила лишь первый класс и была практически неграмотна, потому что отец забрал её из школы: оказывается, во втором классе родители сами должны покупать тетрадки!

Так что, из младших детей никто не получил образования выше начального.

А мимо Сибилёва, отступая, дважды проходила армия Антона Деникина. И отец отправил старшего сына воевать:

- Я думал, из тебя выйдет мастер, а из тебя выходит босяк! Так что, бери винтовку.

И примирились Антон Данилович с Михаилом Антоновичем только через тридцать лет...

Первый белогвардейский «отступ», летний, оказался коротким, быстро удалось вернуться домой. А через год – разгром под Новороссийском.

Деникинцев увидел Михаил уже в полном развале... Холод, голод, вши, злоба, никакой дисциплины.

Пленных пытали и убивали. В самом конце пути украли у Алпатовых подводку и коней.

Мартовскую ночь под Новороссийском называли «*ночью Страшного суда*».

Даже спустя много лет говорил Михаил Антонович, что это была самая дикая ночь в его жизни!

Корабль – совсем небольшой, а народу – масса. Сели в основном «господа офицеры», корабль отплыл...

И вся толпа, наверное, уже просто обезумевшая, бросилась в воду, пытаясь забраться на борт.

И тогда по толпе ударили из корабельных орудий... Били по своим!

Такое забыть невозможно.

Оставшиеся на берегу ждали своей участи.

Без всякой надежды, с уверенностью, что всех убьют. Случилось иначе.

Кого-то, конечно, отправили под трибунал, но многим новая власть предложила вступить в Красную Армию.

А мальчишек, вроде Мишки Алпатова, красноармейцы обогрели, накормили и отпустили домой.

Опять встретились добрые люди!

Хотя всё могло быть и по-другому, успевай Михаил на тот корабль.

И неизвестно, как сложилось бы оно там, в эмиграции.

Но сложилось именно так: 16-летний пацан увидел у белых всё самое худшее, а встреча с красными оказалась счастливой.

И неудивительно, что он сделал выбор в пользу Советов. На всю жизнь.

На подножках товарняков, а чаще пешком – и только к лету, добрался он до своего хутора.

По пути было много приключений, но – встречались же добрые люди!

События эти не забывались, и через много лет появилась повесть «Вадимка». Книга автобиографична.

Сам автор называл её «книгой о доброте», хотя посвящена она временам недобрым.

В 1920 году становится Михаил комсомольцем и вступает в Часть особого назначения (ЧОН) по борьбе с бандитизмом.

Как-то поздним вечером бандиты и повстречались. По счастью, они его не знали и потребовали документы.

А в кармане – комсомольский билет, ЧОНовское удостоверение и справка о воинской обязанности.

Надо было достать именно справку, иначе... хорошо, если просто сразу застрелят.

И он – под дулами – вытащил справку. Снова повезло.

Но довелось не только банды ликвидировать, а и поучительствовать на селе.

И Михаил понимал, что «игнатъевского» образования надолго не хватит.

В 1923 году по комсомольской путёвке едет учиться в Ростов. Он мог без экзаменов, на собственный выбор, пойти в университет, в педагогический техникум или в художественное училище.

А в техникуме прослышали об абитуриенте-ЧОНовце – и не зачисленного даже ещё – сразу избрали в студенческий комитет!

И абитуриент решил, что *«нельзя ставить личное выше общественного»*.

Тогда вводилось студенческое самоуправление, считалось абсолютно нормальным участие комсомольцев в планировании учебного процесса.

И Михаил был одним из лидеров.

Потом, правда, очень жалел об этом техникумском выборе, сильно отдалившем завершение образования.

Особенно переживал, что не стал художником – ведь прекрасно рисовал, очень точно воспроизводил характерные лица донских казаков.

Но комсомольскую ту пору вспоминал тепло!

Жить было трудно и голодно.

Но весело и радостно – одна из сокурсниц, Александра Мурузова, вскоре стала его женой.

Об этих бурных и счастливых годах писатель расскажет в повести «Возвращение в юность».

Выпускника педтехникума назначили директором школы в станице Романовской. И активно привлекали – буквально ко всему.

Ездил по хуторам агитировать в колхозы. Даже пришлось на время суды вершить!

Вышло постановление, запрещающее педагогов надолго отвлекать от работы.

Тогда отправляющиеся на хлебозаготовки свалили на него все свои дела в самой станице. Уехал и судья.

И Алпатову пришлось несколько месяцев выносить приговоры.

Рассказывал, что встречались среди дел весьма интересные!

Первоначально был он очень активен и полностью убеждён в необходимости коллективизации.

Старался доходчиво разъяснять, что при капитализме середняки исчезают, лишь крохотная их часть становится кулаками...

А, в основном, все разоряются. И предотвратить это может только вступление в колхоз.

На бедняков доводы не особо действовали: каждый считал, что уж он-то в кулаки выбьется!

Но дела шли всё хуже, глупых перегибов хватало, и в ещё недавно зажиточной станице начался голод.

Довольно твёрдые убеждения впервые дали трещину.

К тому же горе в семье: умер новорождённый сын.

Алпатов не знал, что делать, и попросился в Москву – учиться дальше.

В райкоме пошли навстречу, дали путёвку, и в 1932 году он поступил на исторический факультет МИФЛИ.

И началась совсем другая жизнь.

Специализировался первокурсник по античности, возможно, сказывалась давняя любовь к латыни.

В подмосковном Быкове купили домик, Александра Мурадовна стала работать в школе.

Родились дочка Нинель и сын Игорь.

И однокашники его тоже перебрались в столицу. Слово сыну Владимиру:

- И почти все не ограничились техникумом и окончили затем разные вузы.

Отец среди них был большим авторитетом, что я особенно почувствовал после его смерти.

На сороковой день собралась группа друзей по техникуму, мы поехали на Ваганьковское кладбище.

Там в тот день было не пробиться: это одновременно оказался первый день рождения Высоцкого после его смерти.

И один из друзей сказал:

- Вот наш умница лежит, и никто его не знает, а какому-то фигляру все почести...

Все с ним согласились.

Поклонников Владимира Высоцкого, трактовка такая, конечно, возмутит. Но, на вкус и цвет, как известно, товарищей не существует.

В 37-м МИФЛИ окончен, дальше – аспирантура! Но учиться ему тогда не пришлось. Арестован друг Николай Жариков:

- Жариков ругал товарища Сталина, а Алпатов с ним спорил.

А надо было не спорить, а сообщить куда следует.

Стоял вопрос об исключении из партии, затем могла следовать и тюрьма.

Но снова на пути – казалось бы, обречённого аспиранта – встретились добрые люди.

Особенно помог профессор Алексей Петрович Гагарин, и вердикт «об исключении» заменили на «строгий выговор с занесением».

Но из аспирантуры выгнали.

И снова совет добрых людей: в Наркомпросе посланцы со всей страны ищут себе кадры, вот и иди, получи направление – куда-нибудь.

Получил, в Сталинградский пединститут. Честно рассказал о выговоре, но посланца это не особо волновало:

- Так не исключили же!

Потом Михаил Антонович говорил:

- Тогда меня потянуло за штаны, но отпустило...

А дочери Жарикова Алпатов в будущем поможет с вузом.

С работой наладилось, но вынужденный отъезд разрушил семью.

Александра Мурадовна не решилась всё бросить и ехать в далёкий город с маленькими Нинусей и Игорьком.

В Сталинграде появилась другая жена, Мария Фёдоровна, говорили, что была очень красива.

Но развод не заставил Михаила Антоновича забыть о детях, алименты платил чётко и старался по возможности помогать.

В пединституте некому было читать историю средних веков. Вот московскому гостю и поручили. Готовиться к занятиям приходилось всю ночь.

Хотя он и слушал общий курс средневековья у профессора Евгения Косминского, но специализацию не проходил.

По счастью, нашлась «Энциклопедия» Брокгауза и Ефрона. Алпатов издание это очень ценил, со временем даже купил полный комплект себе домой.

С 1940 года – снова в Москве, преподавал на Ленинских курсах и восстановился в аспирантуре. Но ненадолго.

В октябре 41-го ушёл Михаил Антонович в ополчение. Рассказывал, как целый день топали.

Казалось, так далеко! А оказалось, лишь до станции Востряково...

На другой день его определили шофёром подвозить снаряды.

На объяснения, что не умеет водить, получил краткое:

- *Ничего, побываешь раза два в канаве и научишься!*
Но за баранку не сел и на фронт так и не попал. Почти сразу был комиссован по болезни сердца.

Из-за неё и в первый раз, после техникума, в армию не взяли.

Но другие-то комиссованные, вопреки запретам врачей, всё равно воевали!

И он понимал, что за спиной шепчутся:

- *Всех мужчин, в конце концов, забрали, даже ссыльных! И только Михаил остался...*

Но, видимо, уже и в Гражданскую, и в ЧОНе навоевался историк досыта. И уехал на Север. Без жены.

В Оренбурге стал инструктором обкома партии.

Как и в Романовской, много времени и сил отнимали вояжи уполномоченным по области: надо было ездить по колхозам, выбивая поставки зерна и скота.

Как-то он спросил своего начальника, зачем они вообще нужны, эти уполномоченные?

Ведь ничего в сельском хозяйстве не соображают!

Тот ответил исчерпывающе:

- *Мы нужны самим фактом своего существования. Председатель колхоза знает, что есть человек, который может приехать и его выгнать. Вот и старается.*

И приходилось носиться по степи в лютые морозы, ночевать в избах вместе с коровами.

Но нет худа без добра.

В одной из поездок, в Бугуруслане, встретил, наконец, уполномоченный настоящую свою любовь, Зинаиду Удальцову.

Роман был очень бурным и стремительным. А ведь разница в возрасте – пятнадцать лет!

У него – жена. У неё, хоть и разведена, сердечный друг присутствует.

Но последующий – более чем 35-летний – брак доказал, что чувства были настоящими!

В 43-м вернулись в Москву. Удалось устроиться на работу в Высшую партийную школу.

Трудностей хватало. Не давала долго развода Мария Фёдоровна.

А отец Зинаиды – даже в квартиру женатого кандидата в зятя поначалу не впускал!

Успокоился лишь с появлением внука Володи.

Хотелось заниматься наукой, дописать, наконец, диссертацию! И опять не получалось.

Выговор давно снят, но сначала четыре года пришлось читать лекции партработникам из глубинки и ездить по стране – принимать экзамены у заочников.

Михаил Антонович страдал из-за того, что жена, несмотря на рождение сына, уже кандидат, а он – ещё нет.

Она вообще всё время обгоняла: и докторскую защитила раньше, и почти всегда зарабатывала больше.

А потом и Институт всеобщей истории АН СССР возглавила!

Создавало дискомфорт и то, что Удальцова была в научных кругах своей, а Алпатов для многих коллег оставался «деревенщиной».

Он уважал своего учителя Косминского, но всегда ощущал это надменное слегка отношение.

А Зинаида дружила с Косминским всю жизнь.

Зинаида – из семьи кисловодского землевладельца Владимира Амвросиевича Мыльцына.

После революции жили сдачей жилья культурным курортникам: снимали комнаты Василий Качалов, Викентий Вересаев, Юрий Тынянов.

Замуж Зина вышла рано, за сокурсника по университету Ивана Удальцова – будущего известного политика. Отношения не сложились, но фамилию оставила.

В юности училась танцам у Касьяна Голейзовского.

А когда поняла, что великой балерины из неё не выйдет, переключилась на изучение византийской истории.

А с Голейзовским был многолетний роман.

Касьян Ярославич даже готов был бросить жену и сына, но Зинаида на брак с артистом, который по полгода на гастролях, не решилась.

Хотя дружбу сохранили.

В 30-е многие считали, что Византия – не та вообще тема, которой стоит заниматься, неактуальна.

А Удальцова доказала, что стоит! И что вообще не обязательно историк – это какой-то сухарь...

Особенно забавляло отношение западных коллег.

Вот была она в командировке в Турции. Слово сыну Владимиру:

- Молодая привлекательная женщина, умевшая вести светскую беседу по-французски, не вписывалась в западные представления о застёгнутых на все пуговицы советских людях.

Она обижалась только на то, что её всё время называли «мадемуазель Удальцова».

Женщины среди западных византинистов тогда уже были, но всё ещё считалось, что наука и семья несовместимы, и в науку шли старые девы.

Зинаида Владимировна пыталась доказать, что у неё есть муж и сын!

Но ей не верили, считая это пропагандой. Она жале-ла, что не захватила наши фото.

О матери после её смерти вспоминали по-разному, но мне больше всего запомнились слова ныне покойного академика Никиты Ильича Толстого, правнука Льва Николаевича:

- Зинаида Владимировна была настоящая русская ба-рыня.

Мать родом не происходила из дворян, по взглядам, с юности и до самого конца, была коммунисткой. Но, видимо, что-то в ней было такое, что оценил потомок графского рода...

А работала Удальцова, кстати, под руководством ещё одного знаменитого нашего земляка – академика Сергея Сказкина.

О жизни Сергея Даниловича рассказано в другом сборнике Библиотеки – «Наука история».

Михаил Антонович после войны восстановился в аспирантуре. Занимался изучением трудов французского философа Алексиса де Токвиля.

Это был идейный противник, но – заслуживающий уважения.

Очень часто цитировал Алпатов токвильское высказывание о том, что *«дворянин не выбросит на улицу старого слугу, а фабрикант без зазрения совести рабочих повыгоняет»*.

И даже процитировал в своих «Кострах». Но идеи его не признавал.

В 1959 году пришлось ненадолго к французцу вернуться: велели вдруг срочно написать справку.

Оказывается, Дуайт Эйзенхауэр, критикуя отсутствие демократии в СССР, упомянул как-то и Токвиля.

Никита Хрущёв решил ответить, а поскольку Алпатов оказался, в общем-то, единственным, кто в вопросе разбирался, к нему и обратились.

И Михаил Антонович объяснял, почему токвильские определения демократии признаны на Западе классическими.

В 90-е посчитали Токвиля положительным и у нас.

И в новых статьях выводы советского историка осуждались, хотя работы признавали талантливыми в литературном отношении.

Сам же историк никогда от своих выводов не отказывался.

Обстановка в стране и в среде интеллигенции менялась.

Супруги Алпатовы отнеслись положительно к снятию Хрущёва: очень уж раздражал отсутствием культуры и страстью к непродуманным реформам.

Но взгляды свои не меняли.

Владимир Михайлович:

- Сейчас часто говорят, что все у нас в те годы были заражены «двоемыслием», кроме лишь открытых диссидентов.

Предполагается, будто верить в советские идеи не мог никто.

Но тут было именно так! Может быть, мать иногда в чём-то и сомневалась, но убеждала в верности линии ЦК не только других, но и себя.

Отец, человек с гораздо более сложной судьбой, переживший и Гражданскую, и коллективизацию, был здесь полным единомышленником.

Это вовсе не значило, что им нравились выверты Хрущёва, маразм Брежнева последних лет, бескультурие начальников.

Но они отделяли конкретных людей от идеи.

В начале 48-го Михаила Антоновича назначили заведующим исторической редакцией Издательства иностранной литературы.

Через пару лет он перешёл в «Советскую энциклопедию», помощником главного редактора, тогда как раз выпускалось «синее» издание.

Владимир Михайлович:

- Главным редактором был физик Борис Алексеевич Введенский, плохо разбиравшийся в гуманитарных науках и мало в них вникавший.

Однажды пытался изъять из выходявшего тома репродукцию «Спящей Венеры» Джорджоне на том основании, что обнажённую женщину могут увидеть дети!

Гуманитарная часть Главной редакции всё же «Венеру» отстояла...

Поэтому соответствующая часть издания в течение трёх лет в основном лежала на Михаиле Антоновиче.

Должность давала блага – вплоть до единственной в его жизни персональной машины с шофёром.

Но и издательская, и энциклопедическая должности быстро надоели. Хотелось писать!

И в 1954 году Алпатов ушёл в Институт истории – с сильным понижением и в зарплате, и в уровне благ.

И главной работой – параллельно с литературой – стало участие в редакции коллективного труда «Очерки истории исторической науки в СССР».

«Очеркам» придавалось большое значение, возглавляли знаменитости – академики Михаил Николаевич Тихомиров и Милица Васильевна Нечкина.

Надлежало охватить историческую науку всех союзных республик, начиная с самых истоков.

За десять лет издали только четыре тома.

Работа шла сравнительно спокойно, пока занимались дореволюционным периодом. Но с приближением к современности появились серьёзные разногласия.

И мудрая Нечкина поняла, что писать об этом времени ещё рано:

- Мы идём по минированной целине.

Издание осталось неоконченным, а Алпатову предложили поехать на несколько лет в Париж, на довольно высокий пост в ЮНЕСКО.

Он решительно отказался – главным рабочим местом стало кресло возле письменного стола.

Всё было отдано этому столу, исключая разве что заботу о коте Ферапонте, тоже попавшем на страницы «Костров».

Алпатовы долго не были на Дону, хотя там всё ещё жила Агриппина Дмитриевна. Лишь в последние годы, после публикации «Костров», Михаил Антонович стал приезжать в родной хутор.

Писателя-земляка тепло принимали, устраивали читательские конференции.

И выход романа немного помог Сибилёву: провели асфальтовую дорогу и пустили автобус.

В послевоенные десятилетия жизнь в области налаживалась, и писатель радовался: его труды не напрасны!

Но историку – хотелось иметь и собственное исследование. Особенно занимала проблема славянофильства и западничества.

Любимой оперой была «Хованщина» Модеста Мусоргского.

И он выбрал для разработки тему «Русская историческая мысль и Западная Европа».

Как в России формировались знания о Западе и как на Западе формировались знания о России.

Задача: показать – начиная от Киевской Руси и до наших дней, – как Россия долгие столетия искала собственный путь развития.

Пока не стала после Октября, наоборот, примером для остального мира!

Он успел выпустить два тома. А потом случился третий инфаркт.

В последний день, 17 декабря 1980 года, Михаил Антонович писал главу для нового издания.

А потом случилась перестройка – со всеми вытекающими. Перемены для Зинаиды Владимировны становились всё более непонятными:

- Что ж, если для укрепления страны нужно изменить экономику, значит так и надо.

Но лишь бы не трогали идеологию!

Но уже покушались и на идеологию.

Идеи, незыблемые для Алпатовых, официально осуждены и отвергнуты.

Участились нелестные характеристики, обвинения в приверженности марксизму и занятии высоких должностей.

В 87-м коллега Удальцовой – с которым были прекрасные отношения – опубликовал (да ещё в журнале «Коммунист»!) статью с отрицательными оценками всей советской исторической науки.

Владимир Алпатов горько сказал, что мать не пережила.

Добрые люди уже не встречались.

*

ТРИ СИГНАЛА СВЕТОФОРА

«Всё уносящий ветер...» Так называется сборник Вацлава Михальского.

Ветры в его произведениях – это и природное явление, и символ быстротекущей жизни.

А молодой композитор Кирилл из рассказа «Капитолийская волчица» задаётся вопросом, который, скорее всего, возникал у самого автора:

- Ну как, как соединить всё это?

Девочку венецианку, фрески Сикстинской капеллы, тёмные воды Арно с цветными огнями Флоренции?

Безногого часовщика Гаджи, старика Ершова, Потаповну, Христину, тётю Фису, Ивана Васильевича Моргунка, умершего третьего дня настройщика Фельдмана?..

Как соединить их всех? И как соединить с ними – столичных друзей, подружек, композиторов, дирижёров, исполнителей.

Господи, как соединить всё это?

Если бы это можно было слить воедино, какое чудо получилось бы тогда – какая симфония!

Искусствоведы считают, что автору «соединить всё это» удалось. Он свою симфонию создал.

Вацлав Михальский – таганрожец. Дата рождения – 27 июня 1938 года. Родители – Зинаида Степановна Удовиченко и Вацлав Адамович Михальский.

Прапрадед, ещё после польского восстания, выслан на Кавказ, где и погиб на полях сражений.

Михальские – обычная советская семья, но отец попал под колесо репрессий, и мать увезла сына на Кавказ.

И парню довелось пожить в Чечено-Ингушетии, Дагестане и Кабардино-Балкарии.

- В Таганроге я больше не бывал никогда в жизни.

Так сложилось, что я никогда не возвращаюсь в важные для меня места.

На четвёртом курсе института принят в Союз писателей СССР.

В этом смысле мне повезло: в дальнейшем, ни на какой работе никто не поучал меня, как правильно держать ручку.

Защитив диплом повестью «Баллада о старом оружии», я сразу уехал в Дагестан.

Работал в газете «Дагестанская правда», сотрудничал с центральными газетами.

Моя первая книга «Рассказы» вышла в 1963 году в Дагестане, в 67-м там же – первый роман.

В Москве меня не печатали.

В ответ на мои рукописи присылали отписки внештатных рецензентов.

Как говорил замечательный поэт и остроумный человек Расул Гамзатов:

- Вацлав, конечно, хороший писатель, но Москва его что-то не понимает...

В 1979 году за повесть «Печка» и цикл статей в «Правде» Михальский удостоен первой премии Союза писателей СССР имени Константина Федина.

И после этого издали книгу и в столице.

Вацлав окончил Литературный институт имени Максима Горького и Высшие курсы сценаристов и режиссёров при Госкино СССР.

За роман «Весна в Карфагене» награждён Госпремией РФ. Автор программы «Достояние России».

По его произведениям снимаются фильмы.

В 1990 году создал и возглавил журнал «Согласие» и одноимённое издательство.

И книги, вышедшие в «Согласии», стали заметными событиями в культурной жизни России.

- Название придумал сам. Хотел, чтобы в «Согласие» вошли три ветви русской литературы: советская, русская зарубежная и постсоветская.

Мы издаём собрания сочинений действительно великолепных авторов. И великие книги.

Однажды я позвонил Вадиму Кожинову и спросил:

- Есть какая-то великая русская книга, которая ещё не издана?

Он ответил:

- Да, есть. «Палея Толковая».

Потом с этим же вопросом я обратился к Дмитрию Сергеевичу Лихачёву.

Он также сказал:

- Это «Палея Толковая».

Действительно, это памятник XII - XIII веков, который никогда не печатался в России, первое толкование славянами Библии.

Некоторые исследователи считают его Пракнигой, созданной раньше Талмуда.

Это будет огромный том в пятьсот страниц.

Когда-то «Палею» пробовал печатать книгоиздатель Тихонравов.

Он напечатал сто экземпляров самого подлинника, но что-то случилось: то ли сломалось, то ли сгорело.

Осталось два или три экземпляра. Мы печатаем Коломенский список 1406 года, самый полный.

Ещё в «Согласии» выходит книга «Великая русская коллекция».

Дело в том, что Россия обладает самой большой коллекцией смычковых инструментов работы итальянских мастеров Амати, Страдивари.

Эти две книги – раритеты.

А для широкого читателя печатаем книгу «Святослав Рихтер». Её автор – художник Дмитрий Терехов.

Читатель не отвернулся от хорошей литературы, как был, так и остался.

Просто интеллигенцию – как после 1917 года, так и сейчас – загнали в болото и оставили в ничтожестве.

Всякая революция – вещь деструктивная.

Открылись шлюзы, которые всегда открываются в смутные времена.

К тому же законодатели сегодняшних литературных мод впустили в литературу грязь, мат и прочее...

Но всё это пена.

Существует мнение: чтобы нация сохранилась, достаточно пяти процентов здорового населения.

Всё это в России есть.

Поэтому настоящая литература будет появляться, литература без чернухи, без скотоложства и всякого другого «ложства».

Уверен: русская культура вернётся на круги своя!

И когда в целях коммерции предлагают печать простенькие детективы и любовные романы, ответ один: нет! Думаю, что это путь в бездну.

Одну из своих книг «Адам – первый человек» автор назвал «кавказской повестью». И уточнил:

- Хотя даже не знаю, повесть ли то, что я пишу, роман или что-то другое...

Я знаю только, что детство, отрочество и юность я провёл на Кавказе. Молодые мои годы прошли в Махачкале.

По отцу я – поляк, а по маме – донской казак. Вся родня из Новочеркасска.

Через семью мою прошло всё: революция, Гражданская война, раскулачивание, аресты и расстрелы, плен немецкий.

В колхозе я окончил школу, работал на заводе.

Служил в армии, где, кстати, мы тогда про дедовщину и не слышали!

В гимнастёрке и сапогах приехал поступать в Литературный институт.

А в 64-м у меня тяжело заболела мама, и я опять оказался в Махачкале. Там я прожил десять лет до её смерти.

Обошёл пешком и объехал на лошади весь Дагестан, всю Чечню, всю Кабардино-Балкарию.

Обстановка тогда в этих местах была замечательная!

Знаю, что никогда у меня в кармане не было даже перочинного ножика!

Знаю, что в моих путешествиях меня не только никто не тронул пальцем, но я всегда находил и стол, и кров гостеприимных хозяев.

Ходил с заплечным мешком и палкой.

В том же Ведено бывал: гостеприимнейшие люди, всегда предлагали и кров, и хлеб.

Знаю и то, что мне сейчас мало кто поверит...

А во дворе, где я жил, насчитывалось тридцать шесть народностей!

Причём, двор был маленький, не больше ста квадратных метров.

И жили мы в мазанках. Они были прилеплены одна к другой, как ласточкины гнёзда.

Не было тогда межнациональных конфликтов!

Писатель нигде не подчёркивает эту тему – интернационализма.

Она просто живёт в его повестях, романах и рассказах так же естественно, как и в самой изображаемой им жизни.

Читая, невольно задумываешься над тем, какое это великое достижение СССР – дружба её больших и малых народов!

Критика отмечает:

- Некоторые из рассказов воспринимаются как штрихи к духовной биографии писателя.

Старуха из одноимённого рассказа, остающаяся каждый год на зиму в деревне одна, поддерживает жизнь: она натаптыкает дорожки от колодца к домам, которые, в свою очередь, соединяет тропинками.

И покуда старуха была жива, господь не забывал эту деревню.

Вот и Вацлав Михальский своими произведениями натаптыкает дорожки между аулами, станицами, деревнями, городами, людьми, народами, странами.

И эти дорожки уже не заметёт никакой ветер забвения.

А слово у него – не только обозначение предмета, но также и его душа, то есть слово содержит в себе больше, чем на первый взгляд может показаться.

Вот повесть «Печка», к примеру:

- Даже само слово «семья» всегда имело для меня, если можно так сказать, тепловое значение.

Семьёй всегда было для меня нечто, пронизанное общим теплом. Сначала в нашей семье всё-таки появился я, а потом печка.

Но как бы я жил без печки?

А один из самых запоминающихся моментов повести «Катенька» – своеобразное объяснение в любви Григория и Дарочки в стогу сена, где они прятались от дождя:

- И молчание их было древним и красноречивым, как сама земля, как небо и солнце, воздух и дождь.

Они думали, что не нуждаются в словах.

*Ошиблись – им всё-таки пришлось сказать пять слов:
- Вы будете меня ждать?
- Да!*

Вацлав Вацлавович – писатель послевоенный.
В 45-м он ещё не ходил в школу. Однако военные сюжеты занимают в его творчестве особое место.

Но ведь и Лев Толстой не был современником *«грозы 1812 года»!*

А свой знаменитый роман написал через шестьдесят лет после тех событий. И вызвал кучу недовольств со стороны военных историков.

Но *«Война и мир»* на века осталась *«Войной и миром»*, а историки те – давно забыты.

Тема Великой Отечественной далеко не исчерпана. Она – достояние целой эпохи.

«Печка», *«Семнадцать левых сапог»*, *«Баллада о старом оружии»*.

Даже сугубо современный роман *«Тайные милости»* – и тот буквально наполнен отголосками войны.

«Баллада о старом оружии» – это дагестанское горное село, Москва, терские степи.

Персонажи (за исключением фашистов, конечно) в разной степени добры.

Поэтому даже тени сомнения не возникает в том, что война будет выиграна!

А главной героиней автор сделал верующую.

Это история о старой дагестанке Патимат, тёмной и неграмотной, которая на второй день войны ушла из родного аула искать сыновей.

Чтобы передать им оружие предков и своё материнское благословение.

Поначалу молится Патимат за своих детей. В штормовую ночь – за рыбаков, оказавшихся в море.

А потом просит аллаха сохранить жизнь всем солдатам и офицерам роты, молится за Русь.

И слова её не вызывают удивления у окружающих. Даже старшина уважительно думает:

- Чья-чья, а уж материнская молитва – дойдёт!

Так Михальский утверждает, что мы сильнее противника не только оружием – духом!

Большинство персонажей повести «Катенька» – люди, чьё детство и молодость прошли в царской России.

Автор изображает историческую эпоху без идеологических разногласий, а главными героями делает не борцов с режимом, а обычных людей.

Дарочка и Григорий прожили всю жизнь друг без друга – писатель ненавязчиво утверждает: это драма.

Григорий делает несчастной и собственную жену Елену – трагедия женщины любящей, но так и не дождавшейся ответной любви:

- Она примирилась со скудной жизнью, не освещённой любовью.

И он не заметил, как своим равнодушием притушил все краски на лице жены, как постепенно убил в ней любовь к нему – её мужу и отцу её детей.

В 1982 году в журнале «Октябрь» опубликованы «Тайные милости».

- А потом я восемнадцать лет ничего не писал.

Почему? Не знаю. Просто не хотелось, хотя все двери были открыты – печатайся, не хочу...

И вдруг, с 2000 по 2011 годы, шесть романов! «Одиному везде пустыня», «Для радости нужны двое», «Храм Согласия», «Прощёное воскресение», «Ave Maria».

Первая часть называется «Весна в Карфагене».

А заставила за перо взяться встреча с графиней Марией Мерзловской:

- Я много ездил по Африке, а непосредственно в Тунис попал в 1987 году.

И вот там однажды я встретил Марию Александровну. Жила она очень скромно: кровать, стол, иконка Казанской Божией Матери, несколько картин, парусник. История её жизни и стала сюжетом романа.

Россия всегда держалась на женщинах: эпоха Советской власти, Великая Отечественная война.

Мои героини – две сестры. Одна очутилась в Тунисе, другая осталась в России.

И обе состоялись как личности. Не знаю, есть ли в этом новизна.

Это образ русской женщины – она такая.

«Одинокому везде пустыня» – такая надпись была выгравирована на перстне Чехова.

Это не выдумка. Причём перстень был сделан из серебряного рубля.

Вот в семье Машеньки был культ Чехова. Как говорила её мама, в России есть люди Пушкина и Чехова, а есть люди Достоевского.

Так вот, мои героини – люди Чехова.

Сначала хотел написать повесть, потом бросил.

А спустя десять лет принялся за роман. Сел к столу и написал:

- Много мечетей в славном городе Тунисе и всего одна православная церковь.

Почему? Знаете, я много ездил, и, где бы ни был, мне постоянно напоминали, сколько, мол, полезного Запад дал России.

То есть, какие мы, русские, дикие, неумытые, с печки упали и так далее...

И мне надоело устно доказывать, что русские всегда были донорами для Западной Европы и Америки!

Откуда появились отец вертолётостроения Сикорский, отец телевидения Зворыкин?

Откуда Вацлав Нижинский? Откуда целая плеяда великих философов XX века?

В известной степени то же можно сказать о прототипе моей героини.

Графиня Мария Мерзловская в эмиграции не потерялась, человеком она была очень деятельным.

Во Вторую мировую стала своеобразной Матой Хари. Война окончилась, может быть, на пять-шесть часов или дней раньше – благодаря ей...

Но после войны Мария Александровна осталась в неизвестности.

Ни советским, ни союзникам она оказалась абсолютно не нужна.

Врангелевский флот – тоже яркая страница.

А Севастопольский кадетский корпус, который воспитал четыре выпуска лучших офицеров земного шара!

Эти офицеры потом служили и в Америке, и в Англии.

Не забывайте, что современный город Тунис располагается на земле легендарного Карфагена!

Можно сказать, в Карфагене русский Севастопольский морской корпус готовил своих воспитанников, которые потом плавали на лучших военных кораблях земного шара.

В чём ещё новизна романа? Я рассказал о подлинном отношении к России стран Антанты.

Ведь как сейчас воруют, так и тогда воровали.

На самом деле никаких огромных денег, о которых всё время твердили, до Белой армии не доходило.

В романах много авторских сносок.

Так своеобразно подаётся информация о кредите 1949 года в триста миллионов долларов, данном СССР Китаю...

О залоге русских кораблей между Врангелем и Францией, о маршале Роммеле, о Блаженном Августине и о Де Голле...

О гениальном хирурге Вишневском и Коко Шанель, о берберах и о Махачкале...

И о многом-многом другом!

Особенность «шестикнижия» – автор изображает события русской, советской, российской, мировой истории с христианских позиций.

Конечно, существует чёткая градация таких понятий, как царская Россия, СССР, постсоветский режим.

И через судьбы героев, через события писатель воссоздаёт в первую очередь Россию советскую и Россию эмигрантскую.

Первая изображена как мир – прекрасный и ужасный, благородный и низкий, героический и преступный.

Постсоветские же времена, именуются в «шестикнижии» антисоветскими и оцениваются куда более негативно.

То есть, в отличие от многих модных авторов, записанных в диссиденты, Вацлав Вацлавович, говоря о современности, приходит к выводу, что нынешний режим в разы преступнее, разрушительнее для страны!

Постсоветские десятилетия отмечены тотальным подражанием Западу – уничтожение традиционных ценностей, морали, русского литературного языка.

- Меня вот спрашивают: почему сегодня так обострилась ситуация?

Это конфликт мировоззрений, религий?

Да ничего подобного.

При чём здесь религии?! Разве в Коране написано, что надо убивать, взрывать неверных?

Да ничего подобного!!!

Вся эта гадость, которую мы сейчас наблюдаем, зарождается наверху, там, где делят сферы влияния, портфели и деньги.

Настоящие люди этим не занимаются.

Потому что настоящему народу, который, по словам Льва Николаевича Толстого, занят делом поддержания жизни, не до розни, не до вражды.

Верю, что это противостояние само остановится.

В жизни есть великое самообразующее начало.

Так сложилось, что Россия – единственное место, где может быть подлинная весна!

Запад и Америка просто заигрались в глобализацию...

А геополитическая ситуация складывается идеально именно для нас.

Все богатые накушались, наездили, насмотрелись и поняли, что там, на Западе, они никто.

Достойную жизнь нужно и можно организовывать только здесь, в России.

А единственный способ организации жизни – это организация по принципу дорожно-транспортного движения.

*Три сигнала светофора: красный, жёлтый, зелёный.
И наезжать друг на друга – нельзя!*

*

КАЗАЧИЙ СПАС

В 1995 году волна ажиотажа захватила читательскую аудиторию: до обидного малым тиражом вышел в свет новый историко-приключенческий роман Юрия Сергеева «Княжий остров».

Счастливые обладатели книги не рисковали с ней расстаться даже на некоторое время, заранее зная – зачитают.

Главный герой Егор Быков стал кумиром для почитателей русских боевых искусств.

Как подтверждение: этим романом известный тренер Алексей Кадочников – помимо завоеванных ими медалей и грамот – награждал своих лучших бойцов-рукопашников.

Автор называет это большой честью.

Один из отзывов:

- Свидетельствую: мы, поколение 90-х, зачитывались «Княжьим островом», делали ксерокопии, передавали друг другу.

Это было время, когда рухнула империя СССР, чуть было не разразилась новая гражданская война.

Сколько молодёжи погибло без духовного компаса!

И в этот момент нам как послание был этот роман, его герои нас выводили за руку к свету.

«Княжий остров» – вторая книга трилогии. Первая – «Становой хребет», третья – «Держава непобедимая».

Юра родился 2 октября 1948 года. Кумылженский район под Сталинградом.

- Я казак, из станицы Скуришенской на Медведице. Она впадает в Дон.

Отец Василий Иванович работал в колхозе пчеловодом. Инвалид войны, прожил всего пятьдесят один год.

Это был удивительной доброй силы человек, жил в постоянной работе, сам делал ульи.

В летней кухне была столярная мастерская, он научил меня с детства держать рубанок, что-то делать полезное, косить сено, готовить на зиму дрова.

Его воспитание трудом выработало упорство в достижении цели, и мне очень пригодилось в жизни и творчестве.

Отец много читал, много рассказывал о войне, о старичниках.

Он был заядлый рыбак и охотник и пристрастил меня к этому. Всё свободное время я проводил на реке и в степях, у отца на пасеке.

Видимо, по этой причине друзья меня звали «Турист».

Мама Татьяна Георгиевна была учительницей.

Преподавала многие дисциплины в школе: зоологию, химию, историю, географию.

Мама мне много читала вслух, рассказывала интересные истории о школе, и я стремился поскорее пойти учиться.

Я очень любил природу и наш казачий край, но никогда не думал, что буду писателем.

Заложила основы моего творчества бабушка Калистра Семёновна.

Она была 1881 года рождения. Непростая судьба.

Двенадцать детей – и почти всех пережила. Двое сыновей погибли на фронте.

Она знала невероятное количество сказок, поговорок, прибауток.

Могла сказать одним предложением, одной фразой то, что другой будет говорить долго. Настолько у неё был язык точный!

У бабушки был старый казачий сундук.

Самое ценное, что было там – это учебник «Родная речь», по которому бабушка сама училась в школе.

Эта книга насквозь проникнута героизмом, в ней были собраны героические наши былины, прекрасно иллюстрированные линогравюрами.

Бабушка научила меня читать по этой церковнославянской азбуке.

В станице были школьная и станичная библиотеки – и я до пятого класса их обе прочёл!

А до восьмого класса я спал на печи.

Бывало, затащу керосинку на печь и ещё бутылку с керосином, чтобы хватило на ночь.

Всё ждал, пока бабушка помолится. Помолится, укладывается спать, а я ей:

- Бабуль, расскажи сказку!

Она мне:

- Да нечистый ты дух, уже на печи не помещаешься, уже ухажёрки, небось, за тобой ухлёстывают, а тебе всё – сказку!

Уговорю. И вот она приляжет на кровать, начинает рассказывать:

- В некоем царстве, в некоем государстве...

Потом встанет, начинает ходить по хате, идёт, руками разводит – играла сказки. Она знала наизусть «Сказку о царе Салтане», «Руслана и Людмилу».

Так учили в дореволюционной станичной гимназии – а закончила всего два класса.

И сказок знала так много, что почти не повторялась.

А когда она засыпала, я ночи напролёт читал при керосиновой лампе книги.

Бродил в волшебном мире приключений Джека Лондона, Майна Рида, Михаила Шолохова.

И когда у меня родился сын, я купил целую упаковку дисков с русскими сказками.

Сын засыпал и просыпался под сказки.

Когда он пошёл в школу, учительница удивлялась, как это мы так его воспитали: тянет руку на уроке и говорит:

- Скажите на милость...

Сказки формируют образное мышление, язык, родовые корни. Начинать воспитание надо со сказок.

Американские мультики воспитывают на негативе, а наши сказки – только на позитиве.

И мамин отец – дед Егор. Как и папа – заядлый рыбак, и когда я у него гостил, мы часто рыбачили.

У деда, как и у бабушки Калистры, была потрясающая память.

Он был истовый казак, песенник, георгиевский кавалер, всегда бодрый и весёлый.

Я впитал из его уст огромный материал истории Донского края, пронзительные куски воспоминаний о войне 1914 года, которые помню до сих пор!

И богатство нашего казачьего говора, и силу песни.

И в семье всё было строго. Когда садились за стол, дед Егор обязательно читал молитвы и крестил еду.

Садись и вставали из-за стола одновременно, и, не дай бог, останется кусочек недоеденного хлеба!

Гуляла его деревянная ложка и по моему лбу...

Но нет обиды. Зато я с детства так ценю хлеб, что ни разу не выкинул сухарь на помойку.

В 1968 году Юрий окончил Новочеркасский геологоразведочный техникум, занимался в литературной группе Новочеркасского политехнического института, в художественной студии.

- Учился на отлично, получал повышенную стипендию.

Там же учился в изостудии; писал портреты и пейзажи акварелью и маслом.

В ностальгии по родной станице рождались стихи, выступал на вечерах в техникуме.

С 70-х вёл Сергеев геологоразведку в Молдавии и на Кавказе, в Волгоградской области.

Работал буровым мастером на Севере. Был главным инженером крупных партий, три года добывал золото, возглавлял алданскую артель старателей «Прогресс».

Свою первую награду, орден «Знак Почёта», получил в двадцать три года – за рекордное увеличение производительности труда в Южной Якутии.

Следующие награды в геологоразведке – чередовались уже с наградами за писательский труд.

- Первые стихи ещё в школе появились.

А серьёзно начал писать в армии, в Солнечногорске, когда окончил школу сержантов.

Мне попалаась книга Василия Шукшина «Там вдали». Я ещё не знал, к стыду своему, кто такой Шукшин. Читал, плакал и смеялся.

Такая ностальгия была по родине, по реке, по станничникам, что написал я тогда рассказов двадцать пять.

В девятнадцать лет! Потом уже в Якутии, главным инженером, начал опять писать.

Материала столько собралось, что не писать было нельзя!

Случайно познакомился (а ничего нет в этом мире случайного!) с дядей Колей. Рост – два метра, ему было лет девяносто...

Он начал рассказывать, как в 1923 году открыли золото на Алдане, как выносили это золото, как убивали китайцев-смертоносцев.

Я так был потрясён этими рассказами, ведь золотая лихорадка на Алдане – белое пятно в советской литературе.

Знаете, сколько замечательных интересных людей я повстречал, когда работал в Якутии!

Такой богатый материал был собран!

В 1977 году в журнале «Полярная звезда» опубликован первый рассказ «Зыбь».

И автора приглашают на семинар молодых писателей БАМа и на VII Всесоюзное совещание молодых писателей.

Через пять лет вышел первый сборник «Королевская охота».

И сразу победа в литературном конкурсе имени Максима Горького и премия ЦК ВЛКСМ «За первую лучшую книгу в столице».

Второй сборник, «Самородок», отмечен премиями и ЦК ВЛКСМ, и ВЦСПС – как «Лучшая книга о рабочем классе».

- Старателем я получал по две тысячи сорок рублей в месяц. Можете себе представить, это в 79-м, когда «Жигули» тогда стоили пять тысяч!

Но я всё бросил, уехал на Кавказ, устроился начальником производственного отдела экспедиции.

Там первая книга у меня вышла.

И после обсуждения «Королевской охоты» молодой автор рекомендован к приёму в Союз писателей СССР.

Беспрецедентный случай в истории Союза: по правилам вступление допускалось лишь после издания двух книг.

Сергеев своих героев называл «людьми без душевной гнилости», и сам был таким.

Всю свою жизнь пытался приобщиться к «чистой силе».

Знавшие его, отмечали деликатность и доброту.

И называли истинно русским – искренним, щедрым, с открытой душой, готовым прийти на помощь.

Для него не составляло труда, например, встретить в аэропорту полупознакомого человека и отвезти, куда надо.

- Был Юра наш всесторонне талантлив, на все руки: и охотник, и рыболов, и водитель классный; и фотохудожник, и кинооператор и режиссёр.

И по инженерному делу и по технике; мастеровил по любому ремеслу мужскому; надёжен и красив в деле.

Тонко чувствовал окружающий мир, а главное – людей, к ним всегда был благожелателен, внимателен и добр – это было сутью его характера.

Что ещё отличало Юру – это любовь к «разродимым степям и лесам, разродимым матери и отцу, разродимым всем старикам, разродимым предкам».

А переживания за поруганную страну стали отдельной линией гражданской лирики Юрия Васильевича, ибо так сражался он за Родину!

И в деле защиты Веры и Отчества был отважен и смел. Песни на его стихи поют Оптиные монахи.

В 1987 году окончил Сергеев Высшие литературные курсы при Литературном институте и переехал в Москву.

В последние годы активно занимался воспитанием молодёжи, создав ежегодный спортивный лагерь на Хопре «Золотой щит – Казачий Спас».

- Задача наших слётов не в том, чтобы показать, кто лучше машет руками, ногами, шашками.

Хотя это тоже надо, и мы этому обучаем.

А главное – оттянуть молодёжь от компьютеров, от пива. Мы не можем видеть спокойно, как молодёжь спивается!

И, конечно же, основа воспитания должна заключаться в возрождении нравственности, в возрождении православных традиций.

В конце 80-х был у меня один боевой случай... Пригласили выступить перед молодёжью.

У меня на тот момент в «Молодой гвардии» вышли статьи против тяжёлого рока – о наркотической его сути.

Как только я начал говорить, вскакивает кто-то (как потом выяснилось, специальный провокатор) и кричит:

- Писарчуки-и! Кто вам дал право судить о рок-музыке, вы что, музыкант!? Сидите и пишите свои рассказы!!!

За ним вскакивает второй, третий... Они завели всех, это уже была единая «элитная» масса.

И зал стал просто орать, топтать ногами, выкрикивать оскорбительные реплики.

Задача организаторов моего выступления, как я потом понял, заключалась в том, чтобы меня растоптать.

Размазать и унизить! Чтобы я прекратил борьбу против оболванивания молодёжи.

Они орут, свистят, холёные девки визжат...

Я стою на трибуне с поднятой рукой. Когда они немного приустиали, говорю:

- Вы же с претензией на интеллигентность... Дайте последнее слово! Преступникам – и тем дают последнее слово!

Притихли, ехидно улыбаются, ну что я могу сказать в последнем слове? Говорю:

- Завтра я снимаю свою статью о вреде рока. Но при одном условии! Если кто-нибудь из вас сейчас встанет и споёт русскую народную колыбельную песню...

Встала одна девушка – и сбилась, пытаюсь спеть «Спят усталые игрушки»...

Я сказал, что это не народная колыбельная. Зал замолчал.

Так я и выстоял минут сорок пять. И понял: что-то надо делать с молодёжью.

И сел писать роман «Княжий остров».

Юрий Васильевич изъездил всю Россию в поисках хранителей родовых знаний, рассеянных по великой земле, собирая бесценные сокровища памяти для потомков.

И из странствий своих, естественно, привозил истории, которые не укладываются в привычные образы.

- Начинаю искать и нахожу удивительнейшие знания, потрясающую цивилизацию, которая у нас была – до и после принятия христианства.

Я не язычник, я православный, восстановил церковь в станице.

Но надо знать свои корни, надо знать свой род!

Вот, например, вы знаете, откуда у русских традиция посидеть на дорожку?

Это не шутка, всё очень серьёзно. Это – просмотр пути!

То, что я сейчас вам покажу, зовётся Казачьим Спасом.

Сюжет в моём романе – о том, что владеющий Казачьим Спасом владеет Пространством и Временем, способен поймать рукой пулю и уходить от пуль, – реальный.

Никаким восточным приёмам он недоступен в своём совершенстве и по своим качествам боя.

Не всем даётся он – нужна особая психология и полное владение своим сознанием.

Призвание Казачьего Спаса – возмездие врагу. Прошу не путать с греховной местью!

Корнями борьба уходит на тысячи лет...

И все эти века она усовершенствовалась и достигала такой силы, что вряд ли разумный человек поверит, на что она способна.

Она уже за пределами обычного понимания.

Чем больше я узнаю людей, которые занимаются боевыми искусствами, тем яснее вижу, что они сохранили традицию Казачьего Спаса.

По сравнению с ней все эти каратэ, ушу, кунфу – ерунда.

А навыки ухода за конём, с которым в бою казак действительно ощущал себя единым целым!

А приобретённое за века умение сберегать силы в походе!

И какой воинский дух царил!

Всё это давало возможность казакам делать то, на что не была способна ни одна кавалерия.

Даже на штурм Измаила – неприступной турецкой крепости, против страшных янычарских ятаганов – Суворов послал казаков с полупиками, то есть, фактически, с деревянными палками.

Огромны были потери казаков, но крепость они взяли.

Столпами современной русской литературы Сергеев называл Валентина Распутина, Василия Белова и Виктора Астафьева.

Но первым писателем для него, донского казака, был, конечно, Михаил Шолохов.

В 2005 году Юрий Васильевич издал великолепный альбом «Шолохов в фотографиях Николая Кочнева»:

- Мы, казаки, обязаны Шолохову самой жизнью, ибо, если бы не его защита в годы раскулачивания и репрессий, нас бы извели под корень.

Он и был тем самым казаком, со становой силой. И очень переживал, что вырождается то шолоховское казачество:

- Ещё в конце 70-х я приехал на родину и увидел, что мои одноклассники почти все спились.

С оставшимися друзьями мы тогда пошли на реку, и каково же было их удивление, когда я сказал, что не пью.

- Какой же ты казак?! - было мне в ответ.

Вот как перевернули всё с ног на голову! Вместо доблести казакам стали приписывать пороки.

Только враги казачества могли придумать такие «казачьи» тосты:

- Атаман пьёт с шашки...

Да за такое до революции этой шашкой сразу бы голову отсекли!

Потому что шашка считалась белым оружием, святым. С шашкой даже в церковь можно заходить!

А нынешних атаманов я довожу до истерики. Спрашиваю у них, кто правил казачьим родом?

Они отвечают: да мы, атаманы!

А я говорю: нет, бабы.

В одном из казачьих домов раз в месяц на флагштоке поднималась белая женская косынка.

И ни один казак – даже атаман – не имел права порог этого дома переступить.

Туда собирался только матриархат – мудрые женщины со всей станицы.

У каждой из них были тетрадки с песнями. Сначала «играли» песни.

А потом начинали высчитывать, кому на ком нельзя жениться, чтобы не было родового смешения кровей.

Такое было самосохранение у казаков.

Раньше у нас в станице было большое хозяйство: две тысячи овец, пять тысяч коров, большая свиноферма, виноградники...

А сейчас?! Нищета полная.

Перестройка развалила деревню, стало некому работать.

По всей России, как после бомбардировки, стоят и дома заброшенные, и животноводческие комплексы.

Кучка чиновников из Минфина при Ельцине и правительстве Гайдара нанесла такой блицкриг по России, какой и не снился Гитлеру...

Всё разрушено, разграблено, споили народ, отняли у него Дело.

Нам надо учиться противостоять злу, учиться быть вместе, надо вернуться к нашим традиционным истокам.

Кто-то очень точно сказал:

- Кто управляет прошлым – тот управляет будущим.

А уж «извращенцев-управленцев» прошлым России – сейчас развелось очень много!

После 1993 года появились сотни «казачьих генералов», управляемых Западом.

Нацепили погоны, навесили на себя невероятное количество наград...

Но как бы ни пытались дискредитировать казачество, оно всё равно устоит!

Юрий Васильевич Сергеев долго болел.

18 февраля 2021 года писатель от нас ушёл.

В своих произведениях он рассказывал, что древние русичи-арии верили в единого Русского Бога, и задолго до христианства в числе их символов имелись Троица и крест.

И, главное, никогда не практиковали они человеческих жертвоприношений!

Вовсе не тайна ведь, что Гитлер намеренно извратил светлые арийские идеи.

Создал целую организацию – «Аненербе» – для доказательства наследия нордической расы от ариев.

Юрий Сергеев считал, что в глубинке, в Сибири, ещё сохранились скиты с берестяными грамотами и свитками, рассказывающими о Прави и Яви, Перуне и Свагоге.

Он одним из первых предложил издать, наконец, «Велесову книгу», что вызвало бурную дискуссию в СМИ.

Сам писатель именовал её «Блеск-Книга» и называл главным священным текстом.

Идеи Юрия Васильевича близки работам другого замечательного писателя – сибиряка Сергея Трофимовича Алексеева.

Но многие собратья по перу сергеевские взгляды не признают.

Историк Владлен Сироткин характеризует «Берегиню» как «развесистую клюкву».

Критик Сергей Чупринин отмечает крайне агрессивную позицию в выступлениях.

Диссидент Михаил Геллер называет «Наследницу» «казачьей утопией».

А вот, по мнению философа Валерия Чудинова, всё творчество Сергеева наполнено духом русского патриотизма!

А литературовед Михаил Лобанов отметил:

- Егор Быков и его напарник приискатель Игнатий Парфёнов открывают нам неповторимую красоту и величие природы Якутии, когда пробираются через тяжёлые дебри, плывут на плотках по реке, низвергаются на них в грохочущую пучину порога, окатываясь ужасом!

А затем – неудержимое ликование, как бы вновь обретённая жизнь!

Когда – как при сотворении мира – возникает исполинская картина гор и тайги, Станового хребта, тянущегося на тысячи вёрст к Ледовитому океану.

И кажется, что частица мощи этого дивного явления передаётся и этим людям.

Много лет Юрий Васильевич привозил книги в Кумылжевскую библиотеку, и библиотека – с 1998 года – носит его имя.

И окончим рассказ о писателе Сергееве – тоже его словами:

- На одной из творческих встреч актёр Василий Лановой очень красиво и вдохновенно прочитал мой стих:

*Россию не спешите отпевать,
Враги по нам не раз справляли тризны...
Но всё-таки жива моя Отчизна!
Её не победить и не отнять.
Россию не спешите отпевать!*

*

СЛОВАРЬ:

ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи.

ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов.

Голейзовский Касьян Ярославич – знаменитый советский балетмейстер и хореограф.

Кадочников Алексей Алексеевич – военный инженер, автор методики выживания, самозащиты и рукопашного боя.

Кожин Вадим Валерианович – известный советский литературовед и историк.

Косминский Евгений Алексеевич – знаменитый советский историк, академик, Сталинский лауреат.

Мата Хари (Маргарета Гертруда Зелле) – голландская танцовщица начала XX века, предполагаемая немецкая шпионка.

МИФЛИ – Московский институт философии, литературы и истории.

Наркомпрос – народный комиссариат просвещения.

Правь, Явь, Перун, Сварог – божества славянской мифологии.

РАН – Российская академия наук.

Тихонравов Николай Саввич – ректор Московского университета, филолог и издатель.

Удальцов Иван Иванович – дипломат и директор Института славяноведения АН СССР.

ЦК – Центральный комитет.

Эйзенхауэр Дуайт Дэвид – 34-й президент США.

ЮНЕСКО (английское United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization) – отдел Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры.

*

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

Алпатов М. Горели костры. – М.: Советский писатель, 1973.

Алпатов М. Откуда течёт «Тихий Дон»? – М.: Правда, 1976.

Алпатов М. Русская историческая мысль и Западная Европа. – М.: Наука, 1985.

Без бога не до порога. // Дух христианина. – 2006. – 28 декабря. – С. 8.

Геллер М. Россия на распутье. – М.: МИК, 1996.

Земскова Т. Мы обязательно придём к согласию. // Гудок. – 2002. – 11 июля. – С. 4.

Историки России XX века: Библиографический словарь. – Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2005.

История и историки. Историографический ежегодник. – М.: Наука, 1982.

Калмыков В. Человек без корней как дерево засыхает. // Книжное обозрение. – 1987. – 2 октября. – С. 14.

Кожедуб А. От становой силы. // Литературная газета. – 2021. – 20 февраля. – С. 11.

Коновалов С. Русский писатель Юрий Сергеев любил бывать в Балашихе. // Большая Балашиха. – 2021. – 7 марта. – С. 4

Михальский В. Сочинения в 10 томах. – М: Согласие, 2015.

Прозоровский В. Вацлав Михальский: возвращение на родину. // Новый таганрогский курьер. – 2017. – 25 июня. – С. 7.

Сергеев Ю. Становой хребет. – М.: Современник, 1987.

Сергеев Ю. Княжий остров. – М.: Княжий остров, 2014.

Сироткин В. Зарубежное золото России. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.

Таганрог. Энциклопедия. – Таганрог: Антон, 2008.

Чупринин С. Новая Россия. – М.: Вагриус, 2003.

Шкляревский И. Читаю Вацлава Михальского. // Литературная Россия. – 2011. – 9 сентября. – С. 7.

Шнирельман В. Арийский миф в современном мире. – М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Алпатов В. М. Об отце (М. А. Алпатов) // ВикиЧтение. – URL: <https://biography.wikireading.ru/56395> (Дата обращения: 10.07.2023). – Текст: электронный.

Алпатов, Михаил Антонович // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BB%D0%BF%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2,%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB_%D0%90%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (Дата обращения: 10.07.2023). – Текст: электронный.

Алпатов Михаил Антонович // ГБУК РО ДГПБ. – URL: <http://pro-don.dspl.ru/personnelinfo/alpatov-mihail-pisatel-i-istorik> (Дата обращения: 10.07.2023). – Текст: электронный.

Алпатов Михаил Антонович // МЦБ Каменского района. – URL: <https://mcb-kam.rnd.muzkult.ru/alpatov> (Дата обращения: 10.07.2023). – Текст: электронный.

Алпатов Михаил Антонович // Livelib. – URL: <https://www.livelib.ru/author/24941-mihail-alpatov> (Дата обращения: 10.07.2023). – Текст: электронный.

Вацлав Вацлавович Михальский // Livelib. – URL: <https://www.livelib.ru/author/235838-vatslav-mihalskij> (Дата обращения: 10.07.2023). – Текст: электронный.

Вацлав Михальский: Мы обязательно придём к согласию // – URL: <https://www.so-glasie.ru/page/intervyu-mihalskiy.htm> (Дата обращения: 10.07.2023). – Текст: электронный.

Воин духа – писатель Юрий Сергеев // Дновец. Газета Дновского района Псковской области. 5 октября 2015 г. – URL: <http://gazetadnovets.ru/slavjane/voin-duha-pisatel-yuriy-sergeev-29-05-2012.html> (Дата обращения: 10.07.2023). – Текст: электронный.

Интервью с казачьим писателем Юрием Васильевичем Сергеевым // Миртесен. – URL:

<https://etnoc.mirtesen.ru/blog/43493558402/Intervyu-s-kazachim-pisatelem-YUriem-Vasilevichem-Sergeevyim> (Дата обращения: 10.07.2023). – Текст: электронный.

Катаев В. Дар воображения: О творчестве Вацлава Михальского // Клуб православных литераторов «ОМИЛИЯ». – URL: <https://omiliya.org/article/dar-voobrazheniya-valentin-kataev> (Дата обращения: 10.07.2023). – Текст: электронный.

«Княжий остров» и «Воины духа» писателя-казака Юрия Сергеева // Zema.su. – URL:

<https://zema.su/blog/knyazhii-ostrov-i-voiny-dukha-pisatelya-kazaka-yuvsergeeva> (Дата обращения: 10.07.2023). – Текст: электронный.

Коваленко Г. Очерки по истории станицы Митякинской и Тарасовского района. Кн. 2: Жизнь и судьба – М. А. Алпатов // Fictionbook.ru. – URL:

https://fictionbook.ru/author/gennadiyi_kovalenko/ocherki_po_istorii_stanicyi_mityakinskoj/read_online.html?page=7 (Дата обращения: 10.07.2023). – Текст: электронный.

Михальский, Вацлав Вацлавович // Википедия. – URL:

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9,%D0%92%D0%B0%D1%86%D0%BB%D0%B0%D0%B2_%D0%92%D0%B0%D1%86%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (Дата обращения: 10.07.2023). – Текст: электронный.

Наследникам державы непобедимой // Покров, 02.10.2018. – URL: <https://pokrov.pro/naslednikam-derzhavy-nerobedimoj/> (Дата обращения: 10.07.2023). – Текст: электронный.

Павлов Ю. Вацлав Михальский: «незамеченный» классик // ЛитБук. – URL: <https://litbook.ru/article/4216/> (Дата обращения: 10.07.2023). – Текст: электронный.

Памяти Юрия Васильевича Сергеева // Livejournal. – URL: <https://tekos.livejournal.com/210940.html> (Дата обращения: 10.07.2023). – Текст: электронный.

«Разродимая сторонushка...»: скончался русский писатель Юрий Сергеев / Завтра.ру. – URL: https://zavtra.ru/blogs/razrodimaya_storonushka_ (Дата обращения: 10.07.2023). – Текст: электронный.

Сергеев, Юрий Васильевич // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B2,_%D0%AE%D1%80%D0%B8%D0%B9_%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87 (Дата обращения: 10.07.2023). – Текст: электронный.

Шувалов Г. Писатель-самородок // Русский дом. – URL: <http://russsdom.ru/node/1331> (Дата обращения: 10.07.2023). – Текст: электронный.

Юрий Сергеев: «Потому казаки и были непобедимы...» // Столетие, 07.07.2023. – URL: https://www.stoletie.ru/obschestvo/jurij_sergejev_poetomu_kazaki_i_byli_nepobedimy__530.htm (Дата обращения: 10.07.2023). – Текст: электронный.

Книга «Острова, костры и вёсны» рассказывает о жизни и деятельности известных писателей, чьё творчество связано с Донским краем.

Михаил Антонович Алпатов, Вацлав Вацлавович Михальский и Юрий Васильевич Сергеев.